

SCIENCE ET LITTÉRATURE

Dans la même collection

Stanisław FISZER (dir.), *Le Grottesque de l'Histoire*, Paris, Le Manuscrit, 2005.

Stanisław FISZER, Antoine NIVIÈRE (dir.), *La Philosophie de l'histoire des XIXe et XXe siècles. Pologne – Russie – Europe*, Paris, Éditions Le Manuscrit, 2011.

Cylvie CLAVEAU, Stanisław FISZER, Didier FRANCFORT (dir.), *Cultures juives. Europe centrale et orientale, Amérique du Nord*, Paris, Éditions Le Manuscrit, 2012.

Stanisław FISZER, Didier FRANCFORT, Antoine NIVIÈRE, Jean-Sébastien NOËL (dir.), *Folklores et politique : approches comparées et réflexions critiques (Europes / Amériques)*, Paris, Éditions Le Manuscrit, 2014.

Stanisław FISZER, Antoine NIVIÈRE, (dir.), *Le Rire des tranchées en Europe centrale et orientale pendant la Première Guerre mondiale*, Paris, Éditions Le Manuscrit, 2015.

Stanisław FISZER, Antoine NIVIÈRE (dir.), *Réécritures de l'Histoire*, PUN – Éditions universitaires de Lorraine, 2017.

Aleksandra WOJDA, Monika SITEK et Stanisław FISZER (dir.), *S. I. Witkiewicz, artiste transversal, hier et aujourd'hui*, PUN - Éditions universitaires de Lorraine, 2018.

Malgorzata BORKOWSKA, Stanisław FISZER (dir.), *La Pologne à l'heure du néolibéralisme*, PUN – Éditions universitaires de Lorraine, 2019.

ISBN 978-2-304-04880-3

© Décembre 2020

SOUS LA DIRECTION DE
STANISŁAW FISZER ET ANTOINE NIVIÈRE

Science et littérature

Inspirations réciproques.
Europe centrale et orientale
(XIXe-XXIe siècles)

Collection CERCLE

Éditions Le Manuscrit
Paris

Table des matières

Remerciements	6
Avant-Propos	
<i>par Antoine NIVIÈRE</i>	7
Introduction	
<i>par Stanisław FISZER</i>	13

Écrivains d'Europe centrale

Jan Potocki, explorateur du Caucase	
<i>par Stanisław FISZER</i>	27
Entre science et littérature : un philologue hongrois au service de la France au début du XIX ^e siècle	
<i>par Ferenc TÓTH</i>	41
Entre science et stéréotype : le discours ethnographique dans <i>Lettres d'Afrique</i> de Henryk Sienkiewicz	
<i>par Małgorzata SOKOŁOWICZ</i>	63
La représentation de la fin du monde dans la science-fiction polonaise (1910-1930)	
<i>par Marta SUKIENNICKA</i>	85
Stanisław Dróżdź : une vision poétique inspirée par des formules mathématiques	
<i>par Marek ROGALSKI</i>	111

Microbiologie et littérature : la science dans l'œuvre
de l'immunologiste et écrivain slovène Alojz Ihan
par Florence GACOIN-MARKS..... 129

Écrivains d'Europe orientale

Magnétisme noir, magnétisme blanc
dans la littérature romantique russe
par Victoire FEUILLEBOIS..... 151

Феномен «дарвинизма» и теория эволюции Ч.
Дарвина в философско-этической концепции Ф.М.
Достоевского
par Konstantin BARSHT 173

Два шедевра Достоевского: семантика чисел,
par Vasilij SHCHUKIN..... 213

Закон золотого сечения в интерпретации
Павла Флоренского и его приложение в поэзии
Вячеслава Иванова
par Leonid KAJANIDI 245

Andrei Platonov et le désir de science
par Jean-Baptiste PARA..... 273

Закон золотого сечения в интерпретации Павла Флоренского и его приложение в поэзии Вячеслава Иванова

Леонид Кляниди
Смоленский государственный университет

Постановка проблемы

Наша статья посвящена анализу глубинной семантики поэзии Вячеслава Иванова, для интерпретации которой неожиданно оказываются релевантны и значительны научные теории, лингвистические, филологические, математические. Одной из таких теорий, обнаруживающих свое присутствие в творчестве Иванова, является божественное, или золотое, сечение (*divine sive aurea sectio*) как разновидность геометрической пропорции. Философско-математическую интерпретацию золотого сечения дал П.А. Флоренский, посвятив ему целый раздел своей посмертно изданной книги «У водоразделов мысли», которая должна была стать, наряду с «Философией культа» и серией работ по эстетике,

частью фундаментального богословско-философского проекта Флоренского – антроподицей, которая дополняла и продолжала теодицею, реализованную в знаменитой книге «Столп и утверждение Истины» (1914).

Диалектико-математические интуиции Флоренского в хронологическом отношении являются более поздними, чем следы золотого сечения в структуре художественного мира Иванова, обнаруженные нами в поэме «Сон Мелампа» (1907). Стало быть, утверждать генетическую взаимосвязь или влияние мы не имеем оснований. С высокой долей вероятности можно предположить, что использование Ивановым золотого сечения при конструировании своего художественного мира было интуитивным и опиралось на космологические схемы, эксплицированные в «Тимее» и «Государстве» Платона¹. Однако сопоставление Иванова и Флоренского в связи с геометрической пропорцией мотивировано тем, что они находились в едином интеллектуальном поле Серебряного века и русского философского ренессанса, будучи необыкновенно близки в человеческом и духовном плане². Философские интерпретации Флоренским

1 Платоническое влияние на космологические концепции Иванова мы рассматриваем в другой статье, так как это требует детального анализа и развернутой аргументации. Говоря коротко, можно констатировать использование Ивановым 1) платоновской идеи о круге тождественного и круге иного, из X-образного сочетания которых получается весь чувственный космос; 2) диалектики вечности и времени; 3) идеи неоднородности пространства, выраженной с помощью различения четырех стихий, представленных в виде правильных многогранников; 4) закона золотого сечения, который применяется не для анализа типов пространства, а для описания отношения космических сфер друг с другом.

2 Для характеристики степени близости Иванова и Флоренского необыкновенно важно свидетельство Н.А. Бердяева (из письма Иванову от 30 января 1915 г.), полемическая заостренность которого в данном случае весьма симптоматична и показательна: «У Вас нет

закона золотого сечения, находящиеся в русле пифагорейско-платонической традиции осмысления математических законов, можно расценивать как комментарии к ивановским философско-поэтическим интуициям. В любом случае перед нами любопытный и знаменательный факт интеллектуального диалога, разворачивающегося на глубинном уровне.

Иванов и Флоренский : скрещение судеб

С Флоренским Иванова связывала глубокая личная, семейная и духовно-интеллектуальная дружба, судить о которой позволяет их переписка, воспоминания современников и взаимные свидетельства друг о друге, собранные Д.В. Ивановым, А.Б. Шишкиным и игуменом Андроником (А.С. Трубачевым)³.

Впервые тема взаимоотношений Иванова и Флоренского в историко-философском плане была поставлена в 1976 г. С.С. Гречишкиным, Н.В. Котрелевым и А.В. Лавровым в комментарии к переписке Иванова с Брюсовым: «между Ивановым и Флоренским была

религиозного дара свободы. <...> Вы всегда нуждаетесь во внешней санкции. Сейчас Вам необходима санкция Эрна или Флоренского. Вы ищете санкции и в личной жизни и в жизни духовной и идейной» [Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрна и др. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 616-617].

3 Переписка Вячеслава Иванова со священником Павлом Флоренским / Публикация игумена Андроника (А.С. Трубачева), Д.В. Иванова, А.Б. Шишкина. Вступительная статья А.Б. Шишкина. Примечания А.Б. Шишкина и игумена Андроника (А.С. Трубачева) // Вячеслав Иванов: Архивные материалы и исследования. М.: Русские словари, 1999. С. 93-120.

глубокая приязнь; в их творчестве налицо ряд общих тем, разрешающихся часто сходным образом⁴.

Знакомство Иванова и Флоренского, датируемое 1904 г., перешло в тесную дружбу в 1914 году в связи с публикацией трактата «Столп и утверждение Истины», который обсуждался в Московском религиозно-философском обществе и был защищен Флоренским как магистерская диссертация в Московской духовной академии. На обоих диспутах присутствовал Вячеслав Иванов, для которого книга Флоренского стала одним из важнейших событий духовной жизни⁵. «Сумма теологии» Флоренского «с читательскими пометами была среди немногих книг, взятых Вяч. Ивановым с собой в Рим»⁶.

Познакомившись с поэмой Иванова «Человек», Флоренский вызвался подготовить комментарии к ней, о чем неоднократно упоминается в переписке между ними. Ради этого Иванов даже отложил выход в свет своего произведения. Однако комментарии так и не были созданы.

А.Б. Шишкин доказал влияние на трактат Флоренского «Иконостас» и его статью «Не восхищение непщева. К суждению о мистике»⁷ ивановской мистической концепции творчества, развитой в статье «О границах искусства» (1915), где творческий процесс разделен на две части: восхождение художника в горний

4 Переписка В. Брюсова с Вяч. Ивановым // Литературное наследство, Т. 85. М.: Наука. С. 471.

5 Шишкин А.Б. О Границах искусства у Вяч. Иванова и о. Павла Флоренского // Вестник Русского христианского движения, 1990. №160. С. 120-125.

6 Переписка Вячеслава Иванова со священником Павлом Флоренским... С. 94.

7 Она была посвящена Иванову.

мир, завершающийся созерцанием трансцендентных сущностей, и его нисхождение в мир дольний, представляющее собой воплощение в художественном материале сверхчувственных видений⁸.

Объединяла Флоренского и Иванова также общая эстетическая установка на реалистический символизм⁹.

Нами было установлено, что «Вячеславу Иванову принадлежит целостная философия иконы <...>, которая тождественна философии иконы, которая развивается о. Павлом Флоренским в трактате «Иконостас». <...> Ивановский художественный мир разворачивается как образно-первообразная модель и представляет собой пространственно-художественный коррелят иконы». Иконографична также структура ивановского образа-символа¹⁰.

Философско-математическая интерпретация закона золотого сечения у Флоренского. Внешнее и внутреннее деление

Напомним, что закон золотого сечения есть частный вариант геометрической пропорции:

$$\frac{a}{c} = \frac{b}{a} \text{ или } \frac{c}{a} = \frac{a}{b}$$

8 Шишкин А.Б. О Границах искусства у Вяч. Иванова и о. Павла Флоренского ... С. 125-130.

9 Мислер Н. Il rovesciamento della prospettiva // Pavel Florenskij. La prospettiva rovesciata e altri scritti. Roma, 1983. P. 3-54; Шишкин А.Б. Реализм Вячеслава Иванова и о. Павла Флоренского // П.А. Флоренский и культура его времени. Marburg-Lahn, 1995. С. 101-114.

10 Каяниди Л.Г. Философия иконы и иконографическая поэтика (Павел Флоренский и Вячеслав Иванов) // Известия Смоленского государственного университета, № 2 (42). С. 69.

Он заключается в том, что меньшая часть так относится к большей, как большая – к целому, или: большая часть так относится к меньшей, как целое к большей:

$$\frac{m}{M} = \frac{M}{T} \text{ или } , \frac{M}{m} = \frac{T}{M}$$

где M – большая часть, m – меньшая, а T – целое.

Свою концепцию золотого сечения Флоренский развивает в разделе книги «У водоразделов мысли», который получил название «Форма и организация». Философ проводит мысль, что закон золотого сечения есть основной закон формообразования в чувственном мире, закон эмпирического проявления идеи в условиях пространства и времени. Флоренский называет его «формулой формы»¹¹ и настаивает на его онтологическом и априорном статусе¹², критикуя Адольфа Цейзинга, «главного и наиболее рьяного распространителя закона золотого деления»¹³, за утверждение его исключительно эстетической природы как закона красоты в самых разнообразных сферах природной и человеческой жизни.

Тезис об универсальности *aurea sectio* подкрепляется рассмотрением ряда его свойств. Флоренский показывает, что «золотое сечение есть корень простейшего квадратного уравнения. Это уже само по себе делает [его] достойным особого внимания и ставит наряду с выдающимися числами π и e »¹⁴. Оно «было представлено Фехнером в виде бесконечной непрерывной цепной

11 Флоренский П.А. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Т. 1. 2-е изд. М.: Академический проект, 2017. С. 498

12 Там же. С. 501.

13 Там же. С. 498.

14 Там же. С. 483.

дроби¹⁵, и тогда оказалось, что это есть простейшая возможная непрерывная дробь»¹⁶. Флоренский демонстрирует взаимосвязь золотого сечения и чисел Фибоначчи¹⁷, приводя в качестве приблизительного ряда значений золотого сечения такую последовательность натуральных чисел: 0, 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, показывая тем самым, что *aurea sectio est* u_{n+1}/u_n . Комментаторы отмечают: «Наибольшую известность числа Фибоначчи получили в связи с явлением филлотаксиса в ботанике. Судя по черновым материалам к рукописи, это явление весьма интересовало о. Павла (среди листков, вложенных в рукопись, имеется следующее замечание: «Особенность поговорить о законе *листорасположения* и его выражении <нрзб> подходящими дробями [золотого сечения]» [с. 638])»¹⁸.

Как на своих ближайших предшественников Флоренский указывает на Адольфа Цейзинга и Конрада Германна¹⁹. Оба привлекают внимание о. Павла, поскольку они не ограничивались чисто математическим или эстетическим выведением *aurea sectio*, но распространяли его действие не только на искусство, но и на биологию, физиологию, химию, астрономию.

Ход рассуждений о. Павла отличается от стандартного математического выведения золотого деления, представленного в известном исследовании

15 Fechner G. Th. Vorschule der Ästhetik. Leipzig, 1876.

16 Флоренский П.А. У водоразделов мысли ... С. 483.

17 Напомним, что числами Фибоначчи называются элементы последовательности u_n , удовлетворяющей условию $u_n = u_{n-1} + u_{n-2}$.

18 Там же. С. 638.

19 Zeising A. Ästhetische Forschungen. Frankfurt a/M: Meindinger, 1855. 568 s.; Hermann K. Die Ästhetik in ihrer Geschichte und als wissenschaftliches System. Leipzig: Fleischer, 1876. 78 c.

Генриха Тимердинга²⁰, где рассуждение базируется на геометрическом анализе правильного пятиугольника, который вписан в круг и диагонали которого образуют пентаграмму²¹. Новацией Флоренского является различие внутреннего и внешнего сечения. К этой идее он приходит в результате элементарных алгебраических операций, которые демонстрируют, что золотое сечение есть корень простейшего квадратного уравнения, которое имеет два вида: 1) $x^2 - x - 1$ и 2) $x^2 + x - 1$. В первом случае его корнем является

$$\frac{1+\sqrt{5}}{2}, \text{ а во втором —}$$

$$\frac{1-\sqrt{5}}{2}.$$

«Но вычитание из единицы дает отрицательную величину. Это значит, что точка деления будет находиться не между концами нашей величины, а вне их»²².

Флоренский различает внутреннее золотое деление (обозначена точкой С) и внешнее (обозначена точкой С').

20 Тимердинг Г.Е. Золотое сечение. М.: КомКнига, 2005. С. 13-48. Первое издание – 1918 год, первое издание на русском языке – 1924 год.

21 Там же. С. 14.

22 Флоренский П.А. У водоразделов мысли ... С. 482.

Внутреннее и внешнее сечение

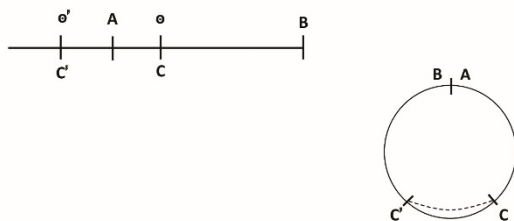

Figure 1

Флоренский интерпретирует отрезок АВ как целое. Целое понимается им как единство во множестве, как антиномия предельно противоположных, но неразрывно связанных полюсов. По отношению к отрезку АВ, на котором отложены точки внутреннего и внешнего деления, это означает, что его необходимо сомкнуть в окружность, совместив его полюса, начало и конец (см. рис. 1).

«<...> если целое есть воистину целое, так что начало его сливается с концом и, следовательно, действующая причина с конечной, А с Ω , как и следует по Аристотелю, то внешнее деление приходится внутри ее целого, образуя фокус, симметричный первому внутреннему фокусу. И далее, если за начало принять не А, а В, то точка С' будет точкой внутреннего деления, а симметричная ей С – внешнего. Другими словами, сомкнутость полюсов ведет к образованию в целом двух фокусов, напоминающих собою полюсы и между собой сопряженных»²³.

²³ Там же. С. 484.

Понимание отрезка АВ как антиномического целого влечет за собой три следствия: 1) внешнее деление золотого сечения оказывается внутри целого, охватывается им; внешнее и внутреннее деление 2) взаимно соотносимы, симметричны и 3) зеркальны.

Отражение закона золотого сечения у Вячеслава Иванова

Закону золотого деления подчиняется мистериально-дионисийская космогония, развитая Ивановым в поэме «Сон Мелампа». Здесь Иванов изображает мистический визионерский опыт мифологического прорицателя Мелампа, который считался основоположником дионисийской религии на эллинской почве²⁴.

Ивановскую поэму можно условно разделить на две части – рамочную и центральную. Рамочная часть состоит из двух частей – инициальной и финальной. В инициальной части рассказывается о событиях, предшествующих сновидению Мелампа и мотивирующих его мистико-инициальный характер; в финальной речь идет о последствиях инициационного снагероя, которые заключаются в радикальном изменении его существа – обретении дара очищения, врачевания и двойного мистического зрения, которое состоит в прозрении сокровенной сущности эмпирической

24 В подтверждение этому Иванов приводит свидетельства Диодора и Геродота: «Меламп, – говорит Диодор, – занес из Египта очищения, приписываемые Дионису, и предание о богоборстве Титанов, и всю вообще священную легенду о страстях богов» [Иванов В.И. Эллинская религия страдающего бога // Символ. Журнал христианской культуры. №64. М., Париж: 2014. С. 8]. По мнению Иванова, Диодор «исходит из утверждения Геродота, что „Меламп, от египтян научившись, и иное о богах раскрыл, и то, что узнал там о страстном служении Дионису, немного в услышанном изменив“» [Иванов В.И. Дионис и прадионисийство. Баку: 2-я государственная типография, 1923. С. 196].

реальности. Основной же массив произведения занимает сновидение Мелампа, которое представляет собой симбиоз космогонического нарратива и мистического посвящения.

Инициальная часть поэмы опирается на мифологический рассказ, содержащийся в одном из самых авторитетных и полных античных мифологических компендиумов – «Мифологической библиотеке» Аполлодора. Здесь рассказывается, как Меламп хоронит умерших змей и откармливает юных, и в награду за это змеи наделяют Мелампа даром различения речи животных и даром прорицания²⁵.

Однако непосредственное содержание сна Мелампа не имеет к истории этого мифологического героя никакого отношения. Иванов оставляет без внимания историю сватовства брата Мелампа Бианта, исцеления Ификла, добывание стада царя Филака²⁶, а также историю о том, как Меламп исцелил от безумия аргосских женщин, дочерей царя Пройта²⁷.

В центре внимания Иванова находится космогонический нарратив, описание структуры мироздания. Эта структура ориентирована на орфическую космогонию²⁸, источником сведений по которой для Иванова служила монография известного филолога-классика Кристиана Августа Лобека «*Aglaophamus*»²⁹.

25 Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л.: Наука, 1972. С. 16.

26 Там же. С. 16-17.

27 Там же. С. 27.

28 Известный классический филолог и близкий друг Иванова Ф.Ф. Зелинский показывает, что появление космогоний в рамках античного дионисийства связана как раз с орфизмом [Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. Т. I. М., 1915. С. 126-128].

29 Lobeck C. A. *Aglaophamus sive De theologiae mysticae graecorum*

Модель космоса, развитая в «Сне Мелаampa», включает в себя три сферы: эмпирическую, мистическую и метафизическую. Первые две устроены с помощью пространственной оппозиции «верх / низ», которая в эмпирической сфере выражается в противопоставлении чувственных, видимых неба и земли, а в мистической — невидимых, умопостигаемых Неба и Земли. Мистическая сфера как бы соткана из змей, которые символизируют цели и причины сущего, целевые (*causa finalis*) и действующие (*causa efficiens*) причины, в своей совокупности обуславливающие эмпирическое бытие, его пространственно-временную структуру.

змен те — звезды над Геей,
Нам — женихи глубоких небес, обрученные мзни
Целей святых. Ибо каждой из нас уготован на ниве
Пламенной той, что кудрями главу облегает Кроннида,
Ярый супруг.

... из грядущего Цели текут навстречу Причинам,
Дщерям умерших Причин, и Антиройя Ройю встречает.
В молнийном сил сочетанье взгорается новое чадо
Соприкоснувшихся змей; и в тот миг умираем мы оба —
Змий и змея, — раждая на свет роковое мгновенье³⁰.

Метафизическую сферу Мелаамп не созерцает воочию, поскольку она трансцендентна проявленному миру, будь то эмпирический или мистический. О его устройстве прорицателю рассказывают змеи — руководители инициации. Вечное бытие символически представлено как две змеевидные окружности, одна из которых охватывает другую. При этом Зевс понимается как начало света, единства, а Персефона — как начало тьмы, раздора, множественности.

causis. T. I. Regimontii Prussorum. MDCCCXXXIX. 784 p.

30 Иванов В.И. Собрание сочинений. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. С. 296, 298.

В вечности змием себя ты сомкнул, — и кольцом змеевидным
Вкруг твоей вечности, Вечность-змея, обвилась Персефона.
Двум сопряженным змеям уподобился Зевс-Персефона
В оную ночь, когда зародил Диониса-Загрея³¹.

Плодом брака Зевса и Персефоны, т.е. сопряжения двух космогонических окружностей, становится Дионис-Загрей, *Младенец страдальный*, т.е. сыновняя, жертвенная ипостась Абсолюта. Следуя платоновскому «Тимею», где различается круг тождественного и круг иного, первообраз бытия Иванов представляет как X-образное сочетание змеиных колец, проекция которой на плоскость дает крест.

Следуя орфической доктрине, Иванов рассказывает, что Диониса-Загрея убивают титаны, порожденные Персефой и символизирующие начало индивидуации и греховной свободы. Зевс спасает огненное сердце Сына, символ его неистребимой сущности, и целью дальнейшего космогонического процесса становится теургия, привлечение с помощью «орфической жизни» сердца Диониса в эмпирический мир, интерпретируемое Ивановым в духе христианской эсхатологии, как языческий аналог Второго Пришествия Христа.

Таблица 1

Структура космических сфер в поэме «Сон Мелампа»

Метафизическая сфера	Мистическая сфера	Эмпирическая сфера
Зевс	Вечное небо	Небо
Персефона	Вечная земля	Земля

Ивановский космос подчинен закону *aurea sectio*. Этот закон определяет не только диалектическую структуру каждой сферы в отдельности, но и всего космоса в

31 Там же. С. 297.

целом, как совокупности трех сфер. Пониманию пропорциональности ивановских сфер способствуют диалектико-математические идеи Флоренского.

Сопоставим концепцию золотого сечения Флоренского и космологию Иванова.

Прежде всего необходимо сказать, что метафизическая сфера Иванова наделена чертами целого: будучи первообразом универсума, она определяет устройство всего космоса, его сферическую и уровневую структуру, подобно тому как целое обнимает внутреннее и внешнее деление, а те являются производными от целого. Стало быть, отрезок АВ можно отождествить с метафизической сферой. В таком случае внутреннее сечение аналогично эмпирической сфере, а внешнее – мистической. И та и другая сферы так же симметричны и так же зеркальны, как точки внутреннего и внешнего сечения. Их симметричность состоит в том, что и эмпирическая и мистическая сферы являются образами исходного первообраза, повторяют в своей структуре организацию целого, т.е. метафизической сферы: мистическое и реальное небо – аналог мужского начала, Зевса, а мистическая и реальная земля – аналог женского начала, Персефоны. Зеркальность мистической и эмпирической сферы проявляется в том, что структура одной из них есть инверсивная, вывернутая наизнанку структура другой.

Исходная структура метафизической сферы у Иванова восстанавливается только в эмпирической сфере, поскольку она становится как бы вторым зеркалом, восстанавливающим порядок метафизической сферы, который был нарушен ее зеркальным отражением в мистической. Это значит, что внутреннее сечение необходимо связывать с эмпирической сферой,

а внешнее – с мистической. Это подтверждается соотношением у Флоренского внутреннего сечения с дневным сознанием (характерным для эмпирического мира), а внешнего – с ночным (характерным для мистического мира, открывающегося в сновидении). Финальная стадия космогонического процесса – явление сокровенной сущности Диониса, его огненного сердца – должно произойти в эмпирической сфере.

Отношения между отрезком АВ и точками внутреннего и внешнего деления С и С' оказываются релевантны не только для совокупности космических сфер в их взаимосвязи, но и для каждой сферы в отдельности. Так, в метафизической сфере антиномическим потенциалом наделены Зевс и Персефона – их можно отождествить с точками А и В. Точками внутреннего и внешнего деления в таком случае должны стать такие мифологические фигуры, которые связаны друг с другом по закону антиномии, т.е. полярны, и одновременно зеркально соотносены. Очевидно, что точка С есть Загрей, а точка С' – титаны: в Загрее преобладает отцовское начало и свет, в титанах – материнское и тьма; поглощение Загрея титанами происходит вследствие того, что Загрей смотрит в Зеркало явлений, порожденное Персефой.

В мистической сфере точки А и В – это Вечное Небо и Вечная Земля, точка С – Змии (мужское начало), Цели (конечная причина), будущее, точка С' – Змеи, Причины (действующая причина), прошлое.

В эмпирической сфере А и В – это реальные небо и земля. Кого же можно сопоставить с точками внутреннего и внешнего деления? Единственная мифологическая фигура, наделенная антиномическим потенциалом в эмпирической сфере, – это Меламп: он совмещает в себе земное (мать – нимфа) и небесное (отец – Гелиос), свет и

тму (темные ноги и светлое туловище). Поэтому С и С' необходимо отождествить с Мелампом, но различать его личность во время и после инициации.

Таблица 2

Внутреннее и внешнее сечение внутри космических сфер
Иванова

Точки	Метафизическая сфера	Мистическая сфера	Эмпирическая сфера
А	Зевс	Вечное небо	Небо
В	Персефона	Вечная земля	Земля
С	Загрей	Змии (Цели)	Меламп (инициированный)
С'	Титаны	Змеи (Причины)	Меламп (инициируемый)

Эмпирическое проявление идеи, подчиняющееся закону золотого сечения, Флоренский определяет как «деятельность, наполняющую пространство *между* полюсами как в смысле временном, так и в смысле пространственном, т.е. как *вихрь* в среде, как *силовую трубку*, как *вихревое напряжение среды*³² <...> Силовая трубка, как деятельность *одного* целого, всегда и везде себе равна, она есть именно выражение и явление целого. Она всегда развивается равно себе, так же, как когда-нибудь, она вся построена одинаково, и это ее постоянство, эта ее константа характеризуется [золотым сечением]. Принцип золотого сечения свидетельствует о единообразности *прироста* трубки. Как ни прирастает явление, оно остается себе подобно, оно не меняется

³² Вихрь в среде и силовую трубку Флоренский изображает как замкнутое в себе спиралевидное вращение прямой.

в характере роста. Инвариантность роста – вот смысл золотого сечения»³³.

Флоренский рассматривает отрезок ACB как вихрь в среде, спиралесобразное перемещение точек, замкнутое в себе. При этом циклическом изменении золотое сечение оказывается неизменным, инвариантом приращения вихревой трубки.

Вихревая трубка

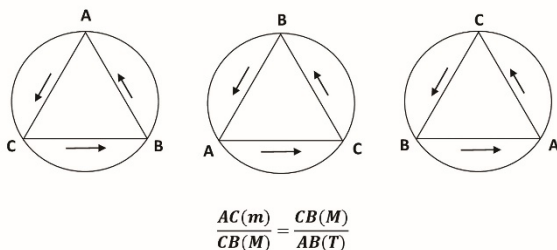

Figure 2

Циклическое перемещение точек (А на место С, затем на место В) не меняет соотношение между ними, а значит, закон золотого сечения оказывается приложим во все моменты движения вихревой трубки.

Точки А, С и В в вихревой среде можно отождествить с метафизической, мистической и эмпирической сферами соответственно. И точки, и сферы последовательны, но «строение группы их не подлежит началу последовательности – т.е. раздробленности в пространстве и во времени, они остаются взаимно

33 Флоренский П.А. У водоразделов мысли ... С. 485-486.

равнозначными, т.е. образуют ЦЕЛОЕ»³⁴. Для точек А, С, В это оказывается верно в силу их спиралеобразного перемещения, а для космических сфер – в силу строения их по единому образцу, впервые эксплицированному в метафизической сфере и реплицированному в мистической и эмпирической.

Флоренский применяет закон *aurea sectio* к истолкованию понятия жизни, «ибо жизнь именно и есть явление ЦЕЛОГО во времени»³⁵. Это приводит философа к мистерияльно-дионисийскому представлению о рождении как смерти и смерти как рождении. Жизнь понимается при этом как «смерти умерщвление». Мистерияльность – одно из свойств ивановской космогонии. Жертвоприношение Диониса становится определяющим метафизическим событием. Раскрытие тайн мироздания представлено как мистическое посвящение Мелампа.

Флоренский вводит в рассуждение о жизни понятия дневного и ночного сознания, унаследованные русским символизмом и религиозной философией от европейского романтизма. Если жизнь представить в виде отрезка АВ, то точка С есть максимум дневного и минимум ночного сознания, а точка С' – минимум дневного и максимум ночного сознания.

34 Флоренский П.А. У водоразделов мысли ... С. 489.

35 Там же. С. 490-491.

Дневное и ночное сознание

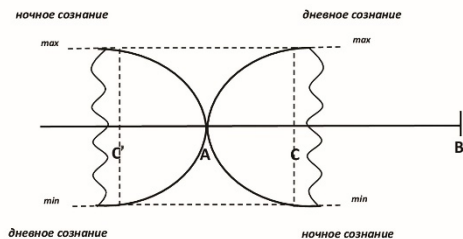

Figure 3

Этот чертеж позволяет подтвердить, что внешнее сечение у Флоренского необходимо сопоставлять с мистической сферой Иванова, так как максимум ночного сознания достигается при инициации Мелампа на Ниве Змей, а максимум дневного связан с пребыванием в эмпирической сфере.

В творческом наследии Флоренского есть два примера обращения к золотому сечению, которые сам философ не соотносит с этим законом. В одной из лекций по истории античной философии, опубликованной в шестом номере «Богословского вестника» за 1913 год под названием «Напластования эгейской культуры», Флоренский анализирует два критских мистических символа – двойные чаши и наutilusовый орнамент.

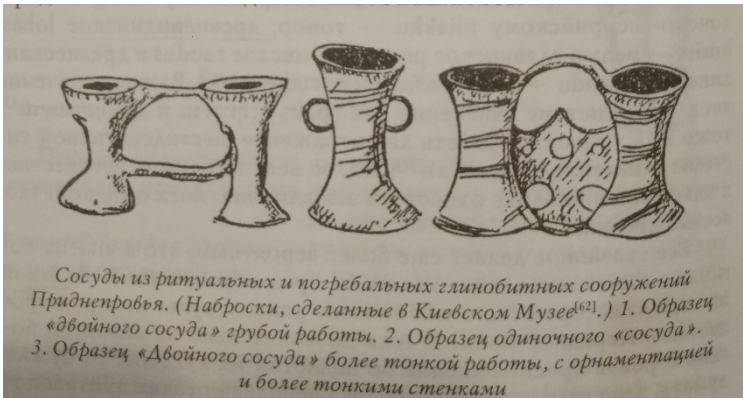

Figure 4³⁶

Двойная чаша – это «сосуд, состоящий из двух одинаковых стаканов в виде гиперболоидов вращения <...> Наверху, у края, они соединены между собою смычкою, а пониже таким соединением служит то цилиндр, то пластинка, так или иначе продырявленная, – по-видимому, для продевания между сосудами пальцев руки при держании сосуда»³⁷. Эти двойные сосуды употреблялись при погребении, были связаны с подземным божеством, Матерью богов, хтонической Афродитой и Астартой.

Флоренский фиксирует внимание на том, что двойной сосуд был образован путем удвоения, что является знаком особенной сакральности и плерональности. Значение двойного сосуда поясняется цитатой из книги П.А. Милославского «Древнее языческое учение о странствованиях и переселениях душ и следы его в первые века христианства», где двойная чаша Матери-Земли ставится в контекст орфических мистерий:

36 Флоренский П.А. Из истории античной философии. М.: Академический проект, 2015. С. 224.

37 Там же. С. 225.

«В орфических мистериях символами падения и восстановления души служили две чаши (*kratēr*) и зеркало. Вкушение напитка забвения из одной чаши было знаком того, что душа, смотря на чувственный мир, который отражается в ее познании, как в зеркале, увлекается его обольстительными образами, теряет память о небесном и ниспадает в узы тела, а вкушение из другой как бы возвращало память и служило залогом к возрождению души для утраченного блаженства»³⁸.

Космос Иванова можно представить как две такие двойные чаши, которые накладываются друг на друга. Потирообразное строение космоса связывается с индивидуальной траекторией души, которая должна пройти обе стадии космической мистерии метемпсихоза – падение и возрождение. Тут обозначается какая-то удивительная аналогия между космосом как двумя наложенными чашами и тождеством среднего члена пропорции при золотом сечении. Большая часть (М) в законе золотого сечения, т.е. общий средний член, и есть математический аналог места наложения двух чаш, аналог мистической сферы, которая как раз наделена свойством зеркальности и превратно отображает метафизическую сферу.

Потирообразная структура мироздания появляется у Иванова также в мелопее «Человек». Эту структуру можно трактовать как христианский вариант трехсферной орфической космогонии. В эпилоге «Человека» Иванов разрабатывает схожий образ неба как опрокинутой чаши и разъясняет его символику:

38 Милославский П.А. Древнее языческое учение о странствованиях и переселениях душ и следы его в первые века христианства. Казань: Типография университета, 1873. С. 183, прим. 1.

<...> тонкий облак от земного ока
Застлал Того, кто Голубем слетал
К сафирной Чаше, реющей высоко.
Прозрачной розой окрест зацвела,
Как заревом нагорным, край эфира,
Лелея отсвет от Даров Потира.

И было свыше сердцу внушено:
Как Дух творит Даров пресуществленье,
Но те ж очам – пшеница и вино,
Так в зримом естестве богоявленье
Сверхчувственного Таинства дано.
«К тебе, Земля, Мое благоволенье!»
Глаголет Дух: «твердь – Чаша; солнце – Кровь,
Ты ж – Агнец. О тебе Моя любовь»³⁹.

Величайшей Тайной мироздания оказывается сафирная Чаша, реющая высоко. К ней слетает Голубь – Дух Святой. Она является источником надмирного, духовного света, из которого создается космос в виде храма. Эта Чаша незримая, она закрыта для земного взора. Видимая же часть мироздания творится в подражание этой премирной Чаше. Поэтому небо предстает как перевернутая Чаша, вмещающая в себя Солнце (Кровь Агнца) и Землю (Плоть Агнца), и становится, таким образом, естественным, природным символом Богородицы, послужившей сосудом Боговоплощения.

Еще один критский символ, рассматриваемый Флоренским и связанный с законом золотого сечения, – это наutilus-образный орнамент.

39 Иванов В.И. Человек. Репр. Изд. М.: Прогресс-Плеяда, 2006. С. 96.

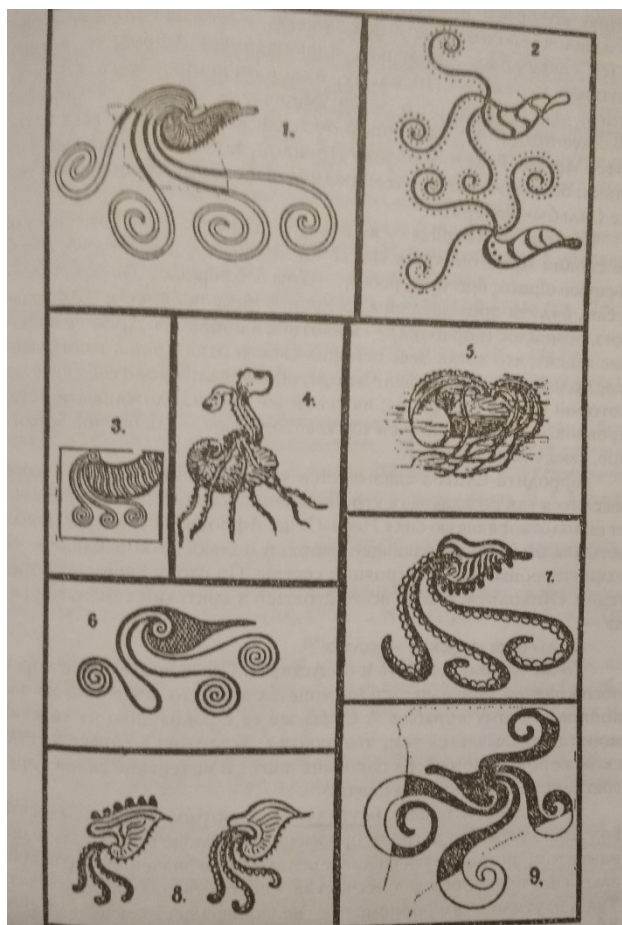

Figure 5⁴⁰

«Моллюск наutilus, или кораблик, <...> в древности назывался «раковиною Афродиты» <...> и считался священным животным, посвященным Афродите»⁴¹. Он происходит из той же крови Урана, из которой рождается сама Афродита, и называется эротическим животным.

40 Флоренский П.А. Из истории античной философии... С. 231.

41 Там же. С. 232.

Наутилусовый орнамент символизирует любовь, жизнь, единство рождения и смерти.

Примечательно, что золотое сечение в своей вариации в виде наутилического орнамента не только перекликается с мистериальными идеями о рождении как смерти и смерти как рождении из книги «У водоразделов мысли», но и несет эротико-половые коннотации, которые являются существенными для ивановского космогенеза. Так, метафизическая антиномия, дающая старт всему космогоническому процессу у Иванова, понимается как мифологическая супружеская пара Зевс и Персефона; в мистической сфере эта антиномия приобретает вид страстно устремленных друг к другу Змиев Целей и Змей Причин, от брака которых рождается время и события в эмпирической сфере.

Заключение

В письме Иванову от 1 апреля 1914 года Флоренский так определяет своеобразие творческой личности своего корреспондента: «Кто такой Вяч. Иванов? Писатель? – Нет, писатель – Мережковский, Брюсов и проч., а для Вячеслава Иванова писательство – лишь один из способов выражения себя. Поэт? – И поэт. Вот, Пушкин – поэт, а Вячеслав Иванов – иное. Ученый? – И ученый. Но в основе он что-то совсем иное. Если бы он был в древности, он был бы вроде Пифагора»⁴². Эта пронизательная аттестация Иванова знаменательна не только в качестве попытки ознаменовать сложную синкретическую сущность творчества Иванова, вбирающего в себя искусство, науку, философию и богословие. Наименование Иванова Пифагором в свете исследования глубинной семантики начинается

⁴² Переписка Вячеслава Иванова со священником Павлом Флоренским... С. 100.

играть новыми, почти буквальными смыслами: Иванов строит свою космогонию, используя пифагорейско-платонические представления о пропорциональности как одной из первооснов онтологии.

Флоренскому не удалось создать примечания к грандиозной поэме Иванова «Человек», однако его учение о золотом делении может рассматриваться как своеобразный комментарий к не менее сложному и принципиально значимому произведению Иванова, как «Сон Мелампа». Философско-математический анализ Флоренского коррелирует со сложной и утонченной образностью Иванова. Сферическая структура художественного мира Иванова оказывается подчинена закону золотого деления, а диалектический анализ этого закона, данный Флоренским, как бы опрозрачивает мысль Иванова, позволяя рассмотреть и интерпретировать важные закономерности его космологии.

Список использованной литературы

АПОЛЛОДОР. Мифологическая библиотека. Л.: Наука, 1972. 216 с.

Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрн и др. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 752 с.

ЗЕЛИНСКИЙ Ф.Ф. История античной культуры. Т.1. М.: Издательство И.Д. Сытина, 1915. 393 с.

ИВАНОВ В.И. Собрание сочинений. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. 852 с.

ИВАНОВ В.И. Человек. Репр. Изд. М.: Прогресс-Плеяда, 2006. 120 с.

ИВАНОВ В.И. Эллинская религия страдающего бога // Символ. Журнал христианской культуры. № 64. М., Париж: 2014. 224 с.

ИВАНОВ В.И. Дионис и прадионисийство. Баку: 2-я государственная типография, 1923. VII+304 с.

Кляниди Л.Г. Философия иконы и иконографическая поэтика (Павел Флоренский и Вячеслав Иванов) // Известия Смоленского государственного университета, № 2 (42). С. 55–69.

МИЛОСЛАВСКИЙ П.А. Древнее языческое учение о странствованиях и переселениях душ и следы его в первые века христианства. Казань: Типография университета, 1873. 362 с.

МИСЛЕР Н. Il rovesciamento della prospettiva // Pavel Florenskij. La prospettiva rovesciata e altri scritti. Roma, 1983. P. 3-54.

Переписка В. Брюсова с Вяч. Ивановым // Литературное наследство, Т. 85. М.: Наука. С. 428-545.

Переписка Вячеслава Иванова со священником Павлом Флоренским / Публикация игумена Андроника (А.С. Трубачева), Д.В. Иванова, А.Б. Шишкина. Вступительная статья А.Б. Шишкина. Примечания А.Б. Шишкина и игумена Андроника (А.С. Трубачева) // Вячеслав Иванов: Архивные материалы и исследования. М.: Русские словари, 1999. С. 93-120.

ТИМЕРДИНГ Г.Е. Золотое сечение. М.: КомКнига, 2005. 88 с.

ФЛОРЕНСКИЙ П.А. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Т. 1. 2-е изд. М.: Академический проект, 2017. 684 с.

ФЛОРЕНСКИЙ П.А. Из истории античной философии. М.: Академический проект, 2015. 524 с.

ШИШКИН А.Б. О Границах искусства у Вяч. Иванова и о Павла Флоренского // Вестник Русского христианского движения, 1990. № 160. С. 118-140.

ШИШКИН А.Б. Реализм Вячеслава Иванова и о Павла Флоренского // П.А. Флоренский и культура его времени. Marburg-Lahn, 1995. С. 101–114.

HERMANN K. Die Ästhetik in ihrer Geschichte und als wissenschaftliches System. Leipzig: Fleischer, 1876. 78 s.

ЛОВЕЦК С. А. Aglaophamus sive De theologiae mysticae graecorum causis. T. I. Regimontii Prussorum. MDCCCXXIX. 784 p.

FECHNER G. Th. Vorschule der Ästhetik. Leipzig, 1876.

ZEISING A. Ästhetische Forschungen. Frankfurt a/M: Meindinger, 1855. 568 s.